

ЖОУОЖЪ ВРЖМЯ

Основатель А. С. Суворинъ

№ 13762

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6-го (19-го) ПОЛЯ 1914 г.

№ 13762

наше, сдержанное, даже среди пыльных полонников, пошлость которых была ему в глаза. Le prince intrigué, по прекрасному определению Бальзана, истинный талант сознать, что он только между какой-то высшей силой, избравшей его своим орудием. В глубине сердца каждый великий поэт согласен с Пушкиным: до минуты вдохновения («пока не требуется поэта» и пр.)—нельзя великого человека. Поэтическое вдохновение—онит в человеке низшего величия. «Душа вкушает ладный сон». И среди източников обожателей удивительный человек кажется себе просто Антоном Павловичем. Антоном Чеховым, милым и добрым мальчиком, «как все». Другое дело не истинный талант, а актерствующая беднота. Такой бедноты, давши роль знаменитого человека, приходится играть не так, как уличные актеры играют королей. Они не позволяют себе даже высморкаться иначе, как величаво.

Чехов пугался своею простотою и порядочностью, приращенным кичливостью души, умом смелым и незабываемым. И не зная, что замешивал Чехов от своего отца, крестьянина с сильными характером и глубоко-реалистичным, но несколько черствым. Мне кажется, Чехов обожал и в тьме, и в душе своей очаровательную, как и ее помню, старинку-мать. Она перелаяла в него свою мягкость, женственность, необходимую для гения наивности, свою чувствительность и может быть тот сорт здравого смысла, который преобразовался в художественный талант. Тайна последнего—непосредственность, способность так же безотчетно улавливать характерное в природе, как улавливать это фотографическая пластинка. Чехов смертельно боялся сентиментальности и всякой аффектации,—но под остро-наблюдающим умом, схватывающим, как стрелой ипполита, все курьезное, у Чехова чувствовалась живая душа. Он в своих писаниях редко давал простор этой живости, но может быть эти прорывы чувства—самое благородное в его творчестве. Нет сомнения, что Чехов был несомненно с людьми. В компании пустых людей он конечно был неинтересен. Одушевление его начало. Он был молчалив и скупен. В компании талантливых, но безалаберных людей он был советом другой, живой и немножко нараспашку. С Львом Толстым он был застенчив, как бы пугался этой титанической силы, стихийной и частью темной. Он ее видел как-то в обществ с Чайковским, а другой раз с Горьким, но тут были и посторонние люди. Одушевленной беседы между ними не было. Был ли у Чехова друг? Т. е. любил ли он сам кого-нибудь сильною признательностью? Кажется, нет. Но все многочисленные приятели его таились к

нему не только, как к знаменитости, но и как к человеку, окоз которого было бы составило счастье. Мы вообще плохо оцениваем людей, их слишком много, они уютливы. Но самое интересное, что есть на земном шару, и самое необходимое для души каждого—это хороший человек. В Чехове эту величайшую редкость природы все видно на яву, как живую реальность. Вот объяснение безчисленных воспоминаний о нем, почти сплошь восторженных.

Интересно, как сам Чехов вспоминал бы о себе, если бы метал из могилы. Мне кажется, он многое осудил бы в своей жизни, чего мы благодарны его таланту, осуждать не смеем. Основная драма его была в том, что по своей скромности он не угадал в себе великого человека. Боже полновин жизни он не хотел видеть в себе больше, чем будущего врача. Окончив университет, поступить на службу куда-нибудь в земство, прописывать порошки, микстуры—дальше этого поведомому не шла его представление о самом себе. Медицину он считал женой, литературу—любовницей и думал ту же ошибку, как человек, который не любил женский отдал предпочтение перед любовью. О, если бы шаловливый Антоша Чехонте мог подозревать в юности, какой исключительный человек жил в его коже! Он, вкратце, иначе распорядился бы и с этим тьлом, и с прекрасной своей душой. Он остерегся бы дешевой мутеж, где светлый воздух, шум, вода и солонка далеко не окупились скудным остроумием товарищей и удовольствием общения с ними. Жизнь богемы изгнать свою поэзию и предать, но что эта жизнь ведет к хаотичности и к другим таким болезням,—это бесспорно. Чехов отдал в своей молодости дань русскому Молоду, имя которому—бездумность. Слишком ненормальную для него дань. Знал он тогда, что ведет в общество жалких мужиков и падших женщин будущего великого писателя, знал он это уверенно,—он поостерегся бы. Но одно из самых предательских влечений нашей обывательщины это то, что мы ничего не стоим, что мы—люди маленькие, что из нас ничего не выйдет. Чаще всего это самочувствие верно: из трех четвертей каждого поколения молодежи ничего не выходит путного. Но процент оступившихся может быть потому так и велик, что мы охотно позволяем себе оступиться на дно. В жизни, как в морю, утопают чаще всего от трусости. В первый же опасный момент страх парализует члены, человек ринется, что ему полюб, и перестает бороться за жизнь. К глубокому стыду нашей природы, даже столь крупный талант, как Чехов, недостаточно указал талант, хотя бы свой собственный. Иначе он по-

жалел бы его и оберег бы от страданий. Даже отдав себя медицине, Чехов недостаточно указал здоровье—хотя бы собственное. Он настолько был образован, чтобы оценить угрозу, вселяющую над его семьей. Один брат его, талантливый художник, уже умер от чахотки. Слабогрудость, худосочие обнаружилось в Антоше Чехове уже с детства. Сидя надо принимать медовый мёд. В наш век умные люди лечатся еще до больницы, понимая, что это всего дешевле и короче. Чехов знал о существовании кумыса, о громадной, чудотворной пользе этого средства при предрасположении к чахотке. Три месяца кумыса (если он не вредит желудку) давал то же, что три года, проведенные безвылазно в Италии. Из биографии Льва Толстого Чехов знал, что мы не потеряли автора «Войны и Мира» в ранней молодости, благодаря лишь своевременному пользованию кумысом. Но Чехов собрался на кумыс уже под конец жизни, когда легкие были разрушены. Имя и деньги, и время, чтобы бродить на Кавказе, за границу, на далекий Сахалин, но не нашлось их, чтобы съездить в самарскую степь. Имя характер посвятить пять лет изучению медицины и не выбрать единственной, высоко-драгоценной минуты, чтобы решить полечиться серьезно самому. Он схватился за лечение, когда было уже поздно, он заточил себя в душевой Ялты, да и этого лечебный режим от времени до времени он нарушал с совершенно обывательским варварством. Кто же идет поздней осенью из Ялты в Москву? Или в промозглый от холодной сырости Петербург? А Чехов бродил и пологую засаживался, просто под предлогом, что Ялта ему смертельно надобна.

Очередная великая идея.

Вспоминаю, как рано погибли такие добрые знакомые, как Надсон, Гаршин, высокоталантливый Калитин, Владимир Соловьев, Антон Чехов, я чувствую, до чего наше постоянное несчастное положение для литературы. Они родились в одно десятилетие с нами, они росли в «наше время», они удивительными талантами и характерами украшали наше общество, главным образом наше, а не какое иное. Какое бы это было для нас великое счастье, если бы они остались живы! Они говорили бы, а мы, простые смертные, слушали бы их с восхищением. Ближних подчас к молитвенному. Вы скажете: покойные сказали достаточно, что бы и теперь слышался их голос. И Надсон, и Гаршин еще имеют пыльных поклонников. Владимир Соловьев и Чехов сказали в свой возраст все, что могли сказать. Им пришлось бы, как вообще писателям, даже великим, погорячиться. Читайте этих авторов и думайте, что они жили!

Да, что же делать! Приходится именно

так и поступать, по именно читая их, расстраиваясь эту рану. Как жалко, как безочеловечно жалко, что их нет с нами! Выхватить красоту и гордость нашего поколения, смерть разорвала это поколение и обезвредила до крайней степени! Получился точно двитник, в котором оборваны все крупные розы, или плодовой сад, в котором сняты все крупные плоды. Картина весьма печальная! Вот почему вместо воспоминаний, которые писать скучно,—вспоминаю для замечательных людей и обращаюсь к представителям молодого поколения. Берегите святину, которая называется здоровьем. Берегите сокровище, именуемое талантом. Если лучшее из нас погибнет рано, это будет потеря, навек для нас незаменимая. Некара не окажется расцвет нашей деятельности, если он не будет озабочен участием великих наших современников. Безрадостна будет старость, если вы растеряете гениальных сверстников. Прав был поэт, говоря о «милых спутниках, которые наш свет союмок присуждают для нас животных». Он не прав был, развил лишь в том, что можно не тосковать об их потере. Одной благодарностью за то, что они «были»,—мне кажется обойтись трудно. Между «были» и «есть» лежит мистическая пропасть, не переходимая даже воображением. По ограниченности нашей природы и безчувствию сердца мы довольно скоро утешаемся в смерти близких, во лучше бы, право, дожить с ними до старости, до общей смыли одного поколения другим. Защищая маленькую свою индивидуальность, мы не замечаем, что самое дорогое, самое заветное в жизни—это именно то, что не индивидуально, а то, что общее, с тем мы сроем неразрывными нитями. И если эти нити насильственно обрываются, если наше общество кругом нас упрямство, мы испытываем может быть больше боли, чем оно.

Чехов не дожидая ни до открытия ползосов, ни до подводных кораблей, ни до воздухоплавания, ни до метода Манухина, применившего к лечению чахотки. Метод сей, как говорят, еще не вполне испытан, но Максим Горький, погибавший в Италии от чахотки, уверяет, что рентгеновский сеансы вполне его излечил. Когда меня спрашивают, какая великая задача стоит на очереди после завершения авиации, я говорю, не колеблясь: *оздоровление человечества*. Нельзя мириться с такими ужасами, как чахотка, рак, сифилис, холера, тиф. Это хуже всякого варварства, даже того, как проселочная дорога, вместо желтых. Еще в вель Гомера возмужен был Гомер, хотя он не бродил на автомобиль и не посылал телеграмм. Уже при создании мира были да-

ны условия, достаточные для того, чтобы Чехов прожил до старости, если бы его не съели жадные невидимые грибки. Так неужели же не стоит побороться с этими погаными грибами? Мне кажется, мы в отношении технического прогресса знаем уже так далеко, что едва ли даже будем в силах использовать все необходимое, но много лишнего. Долгие годы читая рекламы Ремингтона и Уайтхедов, я никак не могу решить, какая из этих пишущих машин лучше, и поэтому пишу простыми пером. Давно изобретены беспроволочный телеграф, но я еще ни разу не прибегал к его услугам. Открыты ползосы, но я не слышу туда похаты. Словам, много великое, чем блещет вель наш, пройдем мимо моего скромного существования без всякого ущерба для него. Но есть одно великое, что я встретил бы как пришедшие божества: это врное средство от угрожающих мне болезней. Вот в какую сторону, г-да гениальные люди, обратите ваше благодетельное внимание, довольно коротко зная Чехова, как человека и врача, я не могу простить ему, что, будучи сам больным, он не потратил даже частички своего замечательного таланта для науки. Если бы с тою же несравненной зоркостью, с какой он подмечал курьезы в поведении своих близких героев, он всмотрелся в существо чахотки, он может быть на двадцать лет раньше Манухина открыл бы его метод и спас бы самого себя. А что он обладал врачебной зоркостью, и в степени удивительной, я попытаюсь на себе. Задолго до знаменитых профессоров он определял гораздо точнее, чем основную хворь, которую я тогда страдал. Возможно, что завет Чехова наукой оказался бы в ущерб литературе. Но ведь я так много бы мог получить: открытое врное средство против своей болезни, Чехов прожил бы до 80 лет и писал бы четверть больше, чем проманировал бы за науку.

На этих днях мне довелось видеть человека, только что голодавшего 30 дней. Чтобы не развилось глупое голода (прод выходил в Русск. Инвалид), будто опыты голодания делаются ради саморекламы, я не лезу фамилия моего знакомого,—попрошу лишь вбить, что это знает порядочный человек и несомненно положение. Его, как и меня, давно прельщает теория английского врача Хейга и он давно уже поправал свое здоровье, перейдя на растительный стол. Георгий Хейга и его школы состоят в том (как я обстоятельно писал два года тому назад), что источником почти всех наших болезней служат общепринятая парварная пища, именно—мясная, с употреблением горячительных напитков. Именно эта пища, загромо-

дая ткани тьла мочевою кислотой, ослабляет их функцию до крайности и сводит оборону организма к нулю. Возрождение и тьла, и связанного с ним духа, нужно начинать с очищения от мочевои кислоты и других засоряющих тьла шлаков. Очищение это достижимо разными способами, но лучше всего—растительным режимом, и еще лучше—систематическими голодовками под наблюдением врача. В знаменитой на Запад книге «Как возстановить здоровье?» д-ра Меллера рассказаны прямо чудеса о голодании вообще и о благотворности этого великого метода. Вплоть до достоверно доказана возможность не только 40-дневного поста, которым Христос начал земное Свое служение, но даже 60-дневного (о больше продолжительных периодах абсолютной голодовки я не знаю). Если вбить почтенным ученым, изучавшим этот вопрос, что продолжительный голод вызывает неожиданные и изумительные процессы в тьле. Снимается весь сор и груз, организм неузнаваемо свивает и молодеет, а с этим возвращается и одолевшая болезнь vis medicatrix naturae.

Прочтя д-ра Хейга, я подумал: вот новая великая идея, может быть больше благотворная, чем авиация и подводное плавание. Можете себе представить, с каким интересом я встретился с господином, который оканчивал 30-й день своего голода. Правда, он в первое мгновение показался мне похожим на покойника,—до того заострены были все черты его лица. Но и цвет лица, и лихорадочный блеск глаз, и молодое оживление свидетельствовали, что это не выходец с того света. Живой покойник рассказывал мне, что только первые четыре дня голода тяжеловаты (слабость, головная боль и т. п.), а затем наступает полное отсутствие аппетита и чудесное самочувствие. Испытывается не слабость, а прилив свежести. Обычная довольно напряженная занятая или у него своих чередом. За 30 дней человек потерял 32 ф. веса и походил на 15 лет. Окончив абсолютный (кроме воды) 30-дневный голод и почувствовав возвращение аппетита, он выпил полстакана миндального молока и сок из трех апельсинов. В доказательство, что он не умер от голода, а ожил от него, он предложил мне прокатиться на автомобиле, которым сам правил. Для этого нула, согласился, полная ясность ума и сила рук. Катался мы несколько часов, и я устал гораздо больше, чем он.

Чехов не дожидая до теории д-ра Хейга и Меллера. А ведь в самом деле, может быть, трагическая тайна здоровья лежала близко.

М. Меньшиков.

ПИСЬМА КЪ БЛИЖНИМЪ.

Тайна здоровья.

Антон Чехов был удивителен по способности влюблять в себя—и женщин, и мужчин. Мужики, влюбленные в него, были, мне кажется, больше чем дам и озадачивших его дам. И все это не стоило для него ни малейших усилий. Как, всем немалым обстоятельством, ему достаточно было быть самим собой. Не знаю, чувствовал ли он всю огромную силу своего обаяния и угадывал ли в ней сознательно. Мне кажется, как многие одаренные люди, он не замечал своих совершенств или не придавал им большой цены. Может быть это черта гениальных людей—преуменьшать себя. Поглядите, до чего подманы бывають иногда писатели средней руки и даже советские мальчики. Вы чувствуете распухший лад на них наливший хвост, невиданный, но необходимый для дополнения фигуры. Мехова же я помню скромным, застенчи-